

kremlin.ru

Встреча с военными корреспондентами • Президент России

84–120 minutes

Е.Поддубный: Владимир Владимирович, здравствуйте!

Огромное спасибо за то, что нашли время с нами встретиться.

В.Путин: Я очень рад вас всех видеть.

Е.Поддубный: Все наши предыдущие встречи проходили действительно в доверительной атмосфере, и разговор у нас был острый и откровенный очень, за что Вам большое спасибо.

В.Путин: Я чувствую, у Вас так не получится, наверное: если камеры работают, каждый захочет «зажечь», как обычно это складывается, когда работают телевизионные камеры.

Смотрите также

Е.Поддубный: Нет, мы будем держать себя в руках.

Мы очень надеемся на то, что и этот разговор будет честный, откровенный, и все на это рассчитываем.

В.Путин: С моей стороны – точно, обещаю.

Е.Поддубный: С нашей – тоже.

В.Путин: Отлично, тогда так и будет.

Е.Поддубный: Вы не раз говорили о том, что в ходе специальной военной операции все цели, которые Вы лично ставили, они будут достигнуты. Специальная военная операция уже идёт довольно долго. Меняется обстановка, меняется положение, меняются, наверное, и цели, и задачи специальной военной операции. Скажите, как они изменились и изменились ли?

В.Путин: Нет, они меняются в соответствии с текущей ситуацией, но в целом, конечно, ничего мы менять не будем, и они для нас носят фундаментальный характер.

Здесь все очень опытные люди, особенно за последний год с лишним, такие как Вы, которые под пулями побывали, – меняется сознание, я это знаю по себе, не так, как Вы, может быть, лазил под пулями, но ещё с тех пор, когда на вертолёт летал, и по нему стреляли трассирующими пулями.

Понимаете, всё это меняет сознание. Так а в чём смысл наших действий? Придётся два шага сделать от центра поля. Ведь мы же настроены были и до сих пор настроены на самые добрые отношения со всеми нашими соседями после развала Советского Союза. Мы так и делаем, мы примирились с тем, что то, что произошло, то произошло, и надо с этим жить.

И вы знаете, я уже говорил, это не секрет, и нашим западным партнёрам, как я их всё время называл, мы же всё предложили, мы считали, что мы свои, буржуинские, мы хотим быть в этой семье так называемых цивилизованных народов. И в НАТО я удочки забросил: давайте рассмотрим эту возможность, – нас щёлк оттуда, даже рассматривать

не стали, – и ПРО давайте мы вместе сделаем.

Мы понимаем, что события 90-х – начала 2000-х годов связаны с тяжёлым наследием историческим на Кавказе, например. Ну с кем мы воевали-то? В значительной степени с «Аль-Каидой». И чего делали наши так называемые партнёры? Поддерживали материально, информационно, политически и даже в военном смысле. Наплевать им на то, что это «Аль-Каида», – только бы нас раскачивать. И всё в этой парадигме – раскачке России. Мы уж и так, и так, договорились, что НАТО не будет расширяться. Предложили всё! Нет. Почему? Просто слишком большая страна: такая страна в Европе, в таком месте, такая большая, с таким потенциалом, не нужна. И постепенно все пытаются распиливать.

Украина – одно из направлений работы по раскачке России. По большому счёту, конечно, это нужно было бы иметь в виду, когда принимались решения по развалу Советского Союза. Но тогда, видимо, рассчитывали на то, что глубинные наши отношения, они будут определяющими. Но в силу целого ряда обстоятельств – исторических, экономических, политических – ситуация пошла по другому пути. И тоже на этом направлении чего только не делали. Десятилетиями, по сути дела, если не кормили, то поддерживали экономику, – вы знаете, что повторяться-то, я уже писал и говорил об этом, – за счёт дешёвых энергоносителей, того-сего, кредитов и так далее. Но ничего не помогает. В конце концов чем закончилось? наших сторонников начали убивать на улицах просто, дошли до госпереворота.

Послушайте, это же не первый госпереворот. А Ющенко

пришёл к власти каким образом на Украине? Что, в результате легитимных действий? Показать, в результате чего он пришёл к власти? Мы же знаем. Придумали третий тур голосования. Какой третий тур? Он не предусмотрен Конституцией – это госпереворот, но он хотя бы прошёл относительно мирным способом. И мы же общались с ними: я туда ездил, они приезжали к нам – пожалуйста. Нет, дошли до кровавого госпереворота. То есть стало очевидным, что никаких шансов нам не дают нормальные отношения выстроить с нашими соседями и с братским украинским народом. Ну никаких просто.

Потом взялись, – после госпереворота они понимали, что мы не можем же просто так оставить Крым, ну не можем просто, это невозможно, это предательство было бы с нашей стороны, – тут же начались события на юго-востоке, в Донбассе. Мы вообще там пальцем не притронулись. Да, там были наши добровольцы, но государство Российское не имело к этому никакого отношения вообще – я уверяю вас в этом, ну никакого. Говорю совершенно откровенно, прямо и честно: вообще никакого, нулевое. Да, там были люди из России, которые пытались поддерживать местное население и так далее.

В конце концов нас, конечно, вынудили встать на защиту этих людей, просто вынудили. Девять лет! И мы пытались искренне договориться о том, было трудно, договориться о том, чтобы как-то «склеить» юго-восток Украины со всей страной, но мы искренне стремились к этому. Теперь мы знаем, что наши так называемые партнёры нас просто надули, как в народе говорят: кинули просто. И не собирались ничего выполнять,

оказывается, и всё дошло до сегодняшней ситуации.

Да ещё и таких ублюдков, как Бандера, подняли на пьедестал. Не хотят они коммунизма – бог с ним, а кто хочет-то сегодня. Сбрасывают основателя Украины – Ленина – с пьедесталов. Ладно, это их дело. Но на это место Бандеру ставят – он же фашист. Я вообще удивляюсь, как человек, у которого в жилах течёт еврейская кровь, который возглавляет государство Украины, как он может поддерживать неонацистов. Я просто не понимаю этого. Когда они уничтожали просто, понимаете, уничтожали гражданское еврейское население, этого человека возвели в ранг национального героя и иже с ним подобных и теперь с этими плакатами разгуливают. Так что то, что там происходит, конечно, нас в историческом плане никогда не устроит.

Когда шёл переговорный процесс, в том числе в Стамбуле, мы постоянно ставили этот вопрос. А нам задавали встречный: «А у нас нет ничего неонацистского, чего вы от нас хотите?» Ну хотя бы, чтобы в законе ввели соответствующие ограничения. В целом, кстати говоря, об этом тоже договорились в ходе того раунда переговоров – до того, как наши войска отошли от Киева, потому что после этого они выбросили все наши договорённости.

Демилитаризация. Мы постепенно, методично этим занимаемся. На чём воюет ВСУ? Что они, Leopard производят, что ли, или Bradley, или даже не поступившие им пока на вооружение F-16? Ни шиша они не производят. ОПК скоро вообще перестанет существовать украинский. Чего они производят? Боеприпасы им привозят, технику привозят, орудия привозят – всё привозят. Так долго не проживёшь,

не протянешь. Так что вопрос, связанный с демилитаризацией, он, конечно, стоит очень в практическом плане.

И защита людей, которые на Донбассе. Да, к сожалению, пока и обстрелы есть, и всё. Но в целом методично будем к этому идти, работать над этим, решать. И я уверен, мы решим этот вопрос.

Так что по большому счёту никаких принципиальных изменений с точки зрения тех целей, которые мы перед собой ставили в начале операции, сегодня не произошло.

Изменений нет.

Д.Кулько: Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Дмитрий Кулько, Первый канал.

Идёт контрнаступление Украины. Вы комментировали ситуацию на пятый день, но сейчас ещё время прошло. Вы ежедневно получаете оперативную информацию и, как мы видим, не только от командования СВО, но и звоните напрямую на передовую.

В.Путин: Да.

Д.Кулько: Сейчас что-то можете ещё добавить к своим оценкам?

В.Путин: Да. Это контрнаступление масштабное, с использованием, как я говорил совсем недавно публично, подготовленных для этих целей резервов. Оно идёт с 4-го числа, началось 4-го. Продолжается до сих пор и прямо сейчас.

Очередной доклад я выслушал, что сейчас происходит.

На Шахтёрском направлении – с утра прямо атака. До 100 человек личного состава, четыре танка, две бронемшины [со стороны Украины]. На Времевском направлении тоже несколько танков, несколько бронемашин. Атака по нескольким направлениям. Уничтожены несколько танков, несколько бронемашин, нанесено огневое поражение по личному составу, до переднего края не дошли.

Но в целом, конечно, это крупномасштабное наступление: на Времевском выступе начали, на Шахтёрском направлении и на Запорожском. Оно начато именно с использования стратегических резервов и продолжается прямо сейчас: прямо сейчас, когда мы с вами здесь собрались и обсуждаем, идёт бой по нескольким направлениям.

Что можно сказать? Ни на одном из участков противник успеха не имел. У них большие потери. Для нас, конечно, слава богу. Я сейчас не буду называть потери по личному составу – пускай Минобороны это сделает, посчитает, но там и структура потерь для них неблагоприятная. Что я имею в виду? Из всех потерь, – а они приближаются к оценке, которую можно назвать катастрофической по личному составу, – у них структура этих потерь для них неблагоприятная. Потому что потери, как мы с вами знаем сегодня, могут быть санитарными, а могут быть безвозвратными. И обычно, сейчас боюсь ошибиться, но где-то безвозвратных потерь процентов 25, максимум 30. У них почти 50 на 50. Это первое.

И второе. Если брать безвозвратные потери, – понятно, что обороняющаяся сторона меньше несёт потерь, – но всё-таки это соотношение один к десяти, что называется, в нашу пользу: у нас в десять раз меньше, чем потерь у вооружённых

сил Украины.

Что касается бронетехники, там ещё более серьёзно. Они за это время потеряли свыше 160 танков и свыше 360 бронемашин разного типа. Это только то, что мы видим. Есть ещё потери, которых мы не видим, которые наносятся высокоточным оружием большой дальности по скоплениям личного состава и техники, так что на самом деле этих потерь больше со стороны Украины. По моим подсчётам, это примерно 25, а может быть, 30 процентов от объёма той техники, которая была поставлена из-за рубежа. Мне кажется, что, если они объективно посчитают, они с этим согласятся. Но, насколько я видел из открытых западных источников, примерно так они, мне кажется, и говорят.

Так что наступление идёт, и результаты на сегодняшний день такие, о которых я сейчас сказал.

Но наши потери, – по остальным показателям, по личному составу пускай Минобороны говорит, – я сказал: танков у них свыше 160 [потеряно], у нас – 54, часть из них подлежит восстановлению и ремонту.

Д.Кулько: Спасибо.

Е.Агранович: Добрый день!

Агранович Екатерина, блогер.

У меня вопрос по Каховской ГЭС. Случилась трагедия, последствия – экологические, социальные – нам всем ещё предстоит оценить. Но вопрос такой: кто, по-Вашему, виновен? Понесут ли они наказание? И третье: какой помощи ждать людям с пострадавших территорий?

В.Путин: Кто виновен – понятно. Украинская сторона стремилась к этому.

Вы знаете, я не буду сейчас на 100 процентов говорить вещи, в которых я не уверен. По большому счёту, мы не фиксировали больших взрывов перед тем, как разрушение произошло. Во всяком случае, так мне докладывали. Но они целенаправленно «Хаймарсами» били многократно по Каховской ГЭС – вот в чём всё дело. Может быть, там была у них закладка какая-то, сейчас не знаю, может быть, они в очередной раз чем-то добавили незначительным, и пошло разрушение.

Но, как мы понимаем, мы в этом точно не заинтересованы, потому что это тяжёлые последствия для тех территорий, которые мы контролируем и которые являются российскими. Это первое.

А второе. К сожалению, – скажу странную вещь, но тем не менее, – к сожалению, это сорвало их контрнаступление на этом направлении. К сожалению – почему? Потому что лучше бы они там наступали. Для нас лучше, потому что для них было бы совсем плохо там наступать. Но, поскольку такой разлив произошёл, то, соответственно, и наступление не состоялось.

Там очень активно сейчас работает МЧС, и военные работают активно, местные органы власти. Я недавно разговаривал с исполняющим обязанности руководителя Херсонской области, с Сальдо, он говорит: «Скажу Вам честно, мы удивлены. Мы никогда не видели такой слаженной работы». Дай бог, чтобы так и было на самом деле, хотя наверняка

проблемы есть.

Там есть люди, которые отказываются куда-то уезжать, эвакуироваться. Откровенно говоря, и у нас такое бывает. Я помню на Лене, когда был разлив, люди сидели на коньке крыш и уезжать не хотели, потому что боялись бросить дом, боялись, что разграбят, и так далее. Это обычное дело. Здесь могут быть и другие соображения, другого характера.

Во всяком случае, всё, что можно делать, делается: очень активно работает МЧС, повторяю, местные органы власти, Минздрав подключился и ФМБА.

Мы должны сейчас самым серьёзным образом подойти к вопросу экологической безопасности и санитарной безопасности, потому что там под водой оказались скотомогильники, кладбища оказались под водой. Это серьёзная проблема, но она решаемая. Нужно будет подключить, – мне Министр уже доложил, он команду дал, – войска химической защиты. Вместе, объединяя усилия, я думаю, все проблемы решат, в том числе это касается и водоснабжения.

Сегодня с Маратом Шакирзяновичем Хуснуллиным разговаривал. Он говорит, придётся заниматься там водоснабжением, новые соорудить скважины. Но работа идёт. По мере того, как вода будет уходить, она уже постепенно уходит, всё будет решаться по мере поступления этих проблем. Конечно, много погибло домашнего скота, диких животных, к сожалению. Нам надо будет всё это организовать, зачистить территорию.

Что касается людей, то всем людям будет оказана помощь

в соответствии с российским законодательством и стандартами. Все эти условия хорошо известны, они прописаны в наших законах. Всё будет делаться так же, как и для всех других граждан Российской Федерации, по каждому домовладению. Я уже Министру Куренкову сказал, чтобы они активно принимали участие в оценке ущерба имуществу – движимому и недвижимому. Так что всё будем делать.

Е.Агранович: Спасибо.

А.Коц: Владимир Владимирович, Коц Александр, «Комсомольская правда».

Вопрос, может быть, неприятный, но его нам часто задают люди.

В.Путин: У нас нет неприятных вопросов.

А.Коц: Очень часто обращаются к нам и читатели наши, и зрители, одинаковые вопросы – вопрос активности противника в нашем тылу.

Не проходит и недели, чтобы не было новостей о беспилотниках, которые либо пытаются бить по инфраструктурным объектам, либо наносят удары по ним. Естественно, острый вопрос у нашего приграничья, особенно Белгородской области.

Вопрос звучит буквально так: как так получается, что вражеские беспилотники долетают до Кремля, и почему мы, начав освобождать Донбасс, теперь вынуждены эвакуировать своё население из приграничных территорий, в которые заходят уже польские наёмники, польская речь звучит на нашей территории?

В.Путин: Польские наёмники там действительно воюют, – Вы правы абсолютно, я с Вами согласен, – и несут больше потери. Они, правда, их скрывают, но потери серьёзные. Жаль, что они скрывают и перед своим населением тоже. Вербовка идёт наёмников – прямо в Польше, в других, кстати говоря, странах. Они несут потери. Первое.

Второе, что касается беспилотников. Вы наверняка знаете, коллеги тоже знают, в своё время на Хмеймиме у нас была ситуация, когда эти беспилотники залетели, к сожалению, над территорией Хмеймима несколько гранат бросили, и у нас там потери были среди личного состава. Но достаточно быстро научились с ними бороться различными способами, средствами. Это иногда непросто, но решаемая задача.

Здесь, видимо, то же самое: нужно нашим соответствующим структурам принять необходимые решения, потому что эта традиционная система противовоздушной обороны, вы знаете наверняка, она же настроена на что – на ракеты, на большие самолёты. А как правило, беспилотники, о которых вы говорите, тоже знаете об этом, они из современных лёгких материалов, из дерева сделаны, и достаточно сложно обнаруживать их. Но они обнаруживаются. Хотя и здесь, конечно, нужно проводить соответствующие работы, вовремя вскрывать это и так далее. И это, конечно, делается и будет сделано наверняка, что касается Москвы и других крупных центров – у меня даже сомнений в этом никаких нет.

Надо, да, надо соответствующим образом наладить эту работу. И конечно, было бы лучше, если бы это сделано было своевременно и на должном уровне. Но тем не менее эта работа проводится, и, повторяю ещё раз, уверен: эти задачи

будут решены.

Что касается приграничных территорий, то проблема есть, связана она, – и я думаю, что Вам тоже это понятно, – в основном с желанием отвлечь наши силы и средства на эту сторону, отвести часть подразделений с тех направлений, которые считаются наиболее важными и критическими с точки зрения возможного наступления вооружённых сил Украины. Нам нет необходимости это делать, но, конечно, мы должны обезопасить наших граждан.

Здесь о чём можно говорить? Конечно, нужно укреплять границу, и наверняка, если кто-то из вас там работает, видите, что этот процесс идёт, идёт достаточно быстро, и эта задача тоже будет решена – укрепление границ. Но возможность обстреливать нашу территорию с территории Украины, конечно, остаётся. И здесь несколько способов решения.

Во-первых, повышение эффективности и контрбатарейной борьбы, но это не значит, что прилётов так называемых не будет на нашу территорию. А если это будет продолжаться, тогда мы должны будем, видимо, рассмотреть вопрос, – я говорю это очень аккуратно, – чтобы создать на территории Украины какую-то санитарную зону на таком удалении, с которого невозможно было бы доставать нашу территорию. Но это отдельный вопрос, я не говорю, что завтра мы приступим к этой работе. Надо смотреть на то, как будет ситуация развиваться.

А в целом ни в Белгородской области и нигде никого нет, там и пограничники сейчас работают, и Вооружённые Силы. Так что, безусловно, ничего хорошего в этом нет: в принципе,

можно было бы это предположить, что противник вести будет себя таким образом, и можно было бы, наверное, лучше подготовиться. Согласен. Но проблема будет решена – или так, или так, как я сказал.

Е.Поддубный: Владимир Владимирович, Поддубный Евгений, ВГТРК. Продолжая тему Александра.

В.Путин: Да, Евгений, пожалуйста.

Е.Поддубный: Агентура спецслужб противника открыто работает на нашей территории, открыто в плане того, что они даже не отрицают, что охотятся за лидерами общественного мнения на территории России: убийство Дугиной, убийство Владлена Татарского, покушение на Прилепина. Собственно говоря, понятно, что украинские спецслужбы ведут террористическую, диверсионную деятельность у нас.

Как Российское государство будет бороться с агентурой врага, со спецслужбами врага, которые действуют на территории России?

В.Путин: Ваш вопрос очень близок к тому, что Александр спросил, – примерно, потому что это примерно равнозначная деятельность по сути своей. Мы должны бороться, мы боремся, делаем это, и некоторые результаты этой работы становятся достоянием гласности, и общественность с ней знакома: задержание агентов, сотрудников спецслужб сопредельного государства. Работа идёт.

Но хочу вот что отметить. Мы – в отличие от сегодняшних властей Украины – не можем действовать террористическими методами: у нас всё-таки государство, страна, а там – режим. Они действуют на самом деле как режим, основанный

на терроре: у них введён очень жёсткий контрразведывательный режим, военное положение. Не думаю, что нам нужно сейчас это делать. Нам нужно просто улучшать и расширять работу правоохранительных и специальных служб. И в целом мне представляется, что стоящие в этом плане задачи тоже решаемы.

Те трагедии, о которых Вы сказали, вы же сами анализируете всё это, видите, что происходило. Кто-то что-то принёс, машину не посмотрели, досмотра нет никакого.

Даша погибла, абсолютно светлый человек – трагедия огромная. Она что, боевик, что ли, с оружием в руках воевала? Она просто интеллеktуал, высказывала свою точку зрения, позицию. Но, к сожалению, никто не думал об обеспечении безопасности – просто же подложили взрывное устройство под днище, и всё. Но, кстати, это подтверждает лишний раз террористический характер сегодняшнего режима в Киеве. Нужно думать над этим. В отношении тех людей, которые могут быть целями этих террористов, конечно, и правоохранительные органы, и сами люди должны думать и обеспечивать безопасность.

Но в целом по стране вводить какой-то особый режим, военное положение нет смысла никакого, необходимости такой нет сегодня. Надо работать тщательнее по некоторым вопросам – здесь с Вами согласен.

М.Долгов: Владимир Владимирович, Долгов Максим, издание Readovka.

В ходе обстрелов люди часто теряют всё нажитое: это дома, имущество и так далее. Очень важно, что наши приграничные

регионы, такие как Курск, Брянск, Белгород, очень оперативно и быстро помогают нашим людям. Но вот вопрос в том, хватит ли этой помощи у регионов?

В.Путин: А мы считаем: практически в постоянном контакте находимся с руководителями этих регионов, и я с ними разговариваю. Они свои потребности формулируют, на бумагу кладут, нам отдают.

Сегодня только я с Михаилом Владимировичем [Мишустиным] разговаривал с утра – мы с ним довольно долго обсуждали ряд вопросов, в том числе, кстати говоря, и этот вопрос. И с Маратом Шакирзяновичем Хуснуллиным тоже. Мы в Белгородскую область, – я могу ошибиться немножко, – но в целом, по-моему, 3,8 миллиарда рублей предусмотрели на помощь людям. И часть из этих средств, по-моему, [один] миллиард 300 [миллионов], что ли, или миллиард 800, уже направили в Белгородскую область. Так что это точно совершенно.

Спасибо, что Вы обратили на это внимание. Безусловно, людям надо помогать, и мы будем помогать точно – по каждой семье, по каждому домостроению пострадавшему – обязательно будем это делать. Это касается и приобретения нового жилья, и восстановления утраченного, обязательно. И средств, конечно, достаточно у нас. Средства будут поступать, уже поступают из Резервного фонда Правительства. Они предусмотрены.

М.Долгов: Спасибо.

А.Руденко: Владимир Владимирович, Андрей Руденко, телеканал «Россия».

На сегодняшний день на медицинский сектор Донбасса легла огромная нагрузка. Сегодня больницы принимают не только гражданских лиц, но и военнослужащих. Но при этом действительно огромный дефицит как персонала, так и медицинского оборудования: нет в достаточном количестве МРТ, КТ. На такие диагностические процедуры на сегодняшний день запись идёт на четыре месяца, то есть человеку нужно сегодня сделать эту процедуру, а его ставят через четыре месяца. Этот момент можно решить на этих территориях?

В.Путин: Конечно. Андрей Владимирович, конечно, можно и нужно.

Ведь этих КТ, МРТ не стало не потому, что началась наша операция, а потому, что их там не было никогда. Понимаете? Просто никогда не было. В Донецкой Республике, насколько я помню, когда мы обсуждали с Минздравом, с Татьяной Алексеевной Голиковой, там есть два МРТ.

А.Руденко: Два МРТ, 1,5 тесла.

В.Путин: Видите, я помню. И одно монтируется. В Херсонской области вообще нет: для того, чтобы людей обследовать, им приходится ездить в Крым. Ну и в Крыму когда-то не было ни шиша. Сейчас всё лучше и лучше, больше и больше появляется. Тоже ещё мало, недостаточно, но тем не менее.

Мы же приняли программу, по-моему, до 2030 года, и там очень приличные средства заложены. Они все зафиксированы, мы ничего сокращать не собираемся. Частично соответствующие регионы Российской Федерации, которые взяли шефство над новыми территориями, эти

регионы помогают. Причём это солидная помощь, по-моему, 17 с лишним миллиардов из регионов уходит. Из федеральных источников тоже. Так что всё будем делать.

Там программа же существует и возрождения детских учреждений, дошкольных. Дошкольных, по-моему, 1300 нужно восстанавливать. Где-то 1400 школ подлежит восстановлению и строительству. И медицинские учреждения тоже. Всё это включено в соответствующую программу развития этих территорий. Мы будем, безусловно, подтаскивать их к общероссийскому уровню. Это касается и оплаты труда, по некоторым категориям уже ввели некоторую дополнительную оплату и дальше будут делать это.

Конечно, я знаю, Вы правы, безусловно, когда обращаете внимание на это. Одна из самых острых проблем – это, конечно, нехватка мест сегодня в учреждениях, особенно она связана с тем, что в ходе боевых действий пострадавшие люди поступают – из гражданского населения и из военнослужащих. В какой-то момент некоторые лечебные заведения оказались абсолютно переполненными.

Повторяю ещё раз: в рамках этой программы до 2030 года будем наращивать эти усилия, в том числе и по медицине. Это касается и оплаты труда. Вообще в этой сфере нам нужно будет делать – не нужно будет, а обязательно мы сделаем это, – подтянем до общероссийского уровня и до общероссийских стандартов. Например, отдельные категории работников, в том числе в области медицины, должны будут получать, как у нас в России, среднее по экономике. Мы постепенно будем к этому двигаться.

А.Руденко: Владимир Владимирович, на сегодняшний день больницы стали целями для вооружённых сил Украины, наносятся постоянно удары. Врачи живут с постоянным риском для жизни. Было бы хорошо, если бы сделали их участниками СВО, как и другие категории, которые работают в этом направлении – в направлении победы, я имею в виду.

В.Путин: Надо посмотреть внимательно. Ведь те, кто воевал с 2014 года... Надо, чтобы здесь социальная справедливость была сбалансированной: одно дело, когда человек на передовой, а другое дело, когда он подвергается опасности, но всё-таки на передовой не находится.

Но Вы, безусловно, правы, что этот аспект опасности должен учитываться и при уровне заработной платы. Мы подумаем над этим обязательно.

А.Руденко: Спасибо огромное.

В.Путин: Вам спасибо за вопрос – он чувствительный. Понимаю.

Е.Агранович: Ещё вопрос.

В.Путин: Пожалуйста.

Е.Агранович: На Западе нас постоянно обвиняют в уничтожении и похищении всего на Украине – от памятников до детей.

В.Путин: Памятников? Какие памятники? Вот они сносят памятники: мы могли бы какой-нибудь парк создать из снесённых на Украине памятников – вот это можно было бы сделать.

У Вас много подписчиков, в Вашем блоге?

Е.Агранович: Относительно. Меньше, чем у Руденко.

В.Путин: Хорошо, ладно, неважно. Вы предложите, чтобы все отправляли памятники в Россию. Вот в Одессе снесли памятник Екатерине II – основательнице города, мы бы забрали с удовольствием.

Е.Агранович: Вопрос у меня немножко в другую сторону. Суть в том, что они сами этим занимаются по всему миру – похищением и уничтожением. Но экспортная западная картинка о том, какая там жизнь, как там всё устроено, идеальная. И этой пропаганде подвергаются люди и в России, и на Украине. Особенно остро стоит этот вопрос на новых территориях, потому что там люди восемь лет, с 2014 года, постоянно были в окружении украинских флагов – всё так чинно, благородно, постоянно на них влияли. Поэтому, когда мы освобождаем эти территории, получается, что там, конечно же, много людей несогласных, и сейчас все имеют возможность это несогласие выражать. Если заходишь в интернет, там свободно выкладывают ролики из городов, например Запорожской области: как они ждут Украину, вот они живут в оккупации.

Такой вопрос. Как мы планируем влиять на умы детей, на умы подростков, взрослых? Понятное дело, что Россия действительно свободная страна – у нас все свободно выражают своё мнение. Но в условиях боевых действий это вопрос безопасности прежде всего.

В.Путин: Да, Вы правы. Конечно, в условиях боевых действий можно было бы что-то и ограничивать. Но мы не должны забывать, что то, о чём Вы сейчас сказали, безусловно,

в значительной степени является работой противоположной стороны, противоборствующей стороны. Потому что работа в информационном пространстве – это поле боя, и очень важное поле боя.

Поэтому если кто-то с адресом обратным что-то выкладывает и пишет – это одно дело. А когда без адреса и непонятно, кто пишет и кто говорит, – это совсем другая история. Потому что мы с вами хорошо знаем, что выкладывать в интернете можно и автоматическим способом, прибегая к известным техническим средствам, и можно накручивать эти ролики или мнения миллионами, а за этим стоит один человек, который просто использует современные средства, тиражирует их бесконечно. Но, конечно, наверняка есть люди, которые настроены соответствующим образом, и они могут выражать свою точку зрения.

Что можно противопоставить? Я думаю, что эта аудитория меня поймёт. Этому можно противопоставить и нужно противопоставлять не столько ограничения административные или правоохранные претензии, сколько эффективную работу в информационной сфере с нашей стороны. И здесь я очень рассчитываю на вашу помощь.

А.Сладков: Владимир Владимирович, Александр Сладков, ВГТРК.

Четыре вопроса. Первый – ротация.

В.Путин: А модератор кто у нас?

А.Сладков: Я, Владимир Владимирович.

В.Путин: Вы близко находитесь – на линии соприкосновения.

А.Сладков: К центру принятия решений.

В.Путин: Нет, близко на линии соприкосновения, и, видимо, оттуда – с украинской территории – нанюхались этого.

А.Сладков: Напились ещё.

В.Путин: Да, да, да. Этого духа несвободы.

И злоупотребляете своим положением модератора.

А.Сладков: Признаюсь – да.

В.Путин: Валяй.

А.Сладков: Первое, болезненный вопрос – ротация.

Мы отправили наших ребят мобилизованных на фронт. Подготовили, направили, воюют – достойно, отдают самих себя. Жёны, матери, родные интересуются: на сколько они ушли? До победы? Когда будет победа? У нас трудный путь впереди. Как Вы считаете, не придёт ли пора, когда их надо ротировать, поменять? И, кстати, многие уверены, что эти люди в основном вернутся в зону СВО, потому что они настроены всё-таки воевать до конца. Но когда нет предела, очень сложно быть психологически стойким – я говорю про семьи.

Второй вопрос. Мы сегодня набираем контрактников. Евгений Бурдинский – генерал – прекрасно справляется, это профессионал, замначальника Генштаба. Но сегодня уже XXI век, не пора ли нам поменять систему или сделать её комплексной? Мы ждём людей, которые приходят по объявлению, мы приглашаем их, но не пора ли нам самим идти к тем людям, которые могут нам помочь? По военно-учётным специальностям распределить, сделать эту работу

плановой: сколько нам нужно пулемётчиков, сколько гранатомётчиков, водителей, связистов, разведчиков, чтобы мы не брали скопом на контракт, а брали тех людей, которые нам нужны.

Третий вопрос – срочники. В связи с событиями, в которых срочники достойно представили Вооружённые Силы в Белгородской области, отражая атаки противника, опять родные интересуются, спрашивают, пишут: их статус? Да, я знаю, что планируется принять определённый федеральный закон, но будут ли дальше срочники участвовать в боевых действиях?

И четвёртый вопрос – мобилизация. Будет ли мобилизация – новая?

Закончил.

В.Путин: Вопросы действительно серьёзные, поэтому на эти темы надо поговорить, конечно. Прежде всего мобилизованные, ротация, когда менять, когда закончится.

Знаете, я сейчас оттолкнусь просто от закона: закон не предусматривает конкретных сроков. Исходить нужно будет прежде всего из наличия личного состава, из того, как развивается ситуация на линии соприкосновения, как идёт сама специальная военная операция.

Вы знаете, что, по сути дела тоже с моей подачи, мы приняли решение о регулярных отпусках.

А.Сладков: Да, раз в полгода. Это Вы приняли, объявили в [Послании Федеральному] Собранию.

В.Путин: Люди ездили. И что любопытно, кто-то сомневался

по поводу того, будут ли возвращаться: практически все возвращаются – за очень небольшим исключением, и то, как правило, связанным с тем, что человек заболел, ещё какие-то неожиданные семейные обстоятельства. Но в целом, не знаю сколько, 90 с лишним, 99 процентов возвращаются.

А.Сладков: Это так, да.

В.Путин: Это первая часть ответа на этот вопрос.

Вторая – я с неё начал: конечно, когда-то надо будет постепенно людей возвращать домой, и такой вопрос, безусловно, в Министерстве обороны обсуждается, он стоит. Это будет зависеть от того, как будет решаться четвёртый вопрос, который Вы задали по поводу того, нужны ли какие-то мобилизации и так далее, – сейчас я до него дойду.

Контрактники. Я с Бурдинским недавно разговаривал – в целом работа идёт, работа идёт действительно очень неплохо. Он занимается набором контрактников. Один из заместителей Министра обороны занимается подготовкой.

А.Сладков: Евкуров.

В.Путин: Совершенно верно. Он занимается организацией подготовки – она налажена. Я не знаю, Вы там бывали – нет? Если не бывали, можете подъехать.

А.Сладков: Конечно, бывали.

В.Путин: Там в целом сейчас всё лучше и лучше. Наверное, проблемы до сих пор есть, но и техника к ним идёт уже, они работают. Нет предела совершенству. Естественно, везде, куда пальцем ни ткни, какие-то проблемы всегда есть, но в целом ситуация меняется к лучшему. Нужно ли менять

технологии? Наверное, над этим нужно думать. Дело в чём? Дело в том, что нам, конечно, – Вы правы, Вы абсолютно правы, – нужно набирать целевым образом.

Теперь срочники. Как и говорилось раньше, их в зону проведения специальной военной операции, а она проходит по Новороссии и Донбассу, как мы говорили, что мы туда не планируем их направлять, так и сейчас обстоят дела. Хотя, конечно, сегодня уже эти территории – это территория Российской Федерации, но тем не менее специальная военная операция там продолжается, да и необходимости, как мне докладывает Министерство обороны, направлять их в эту зону нет. Но в Белгородской области, Курской, на тех территориях, где Вооружённые Силы традиционно стоят, обеспечивают безопасность, конечно, они там присутствуют, и в случае угрозы они должны выполнять свой священный долг перед Родиной и защищать Отечество.

Надо сказать, что я разговаривал с командиром батальона, который воевал на белгородском направлении. Я его спрашиваю: как у вас, сколько у вас мобилизованных, а сколько призывников? Он говорит: все призывники, у меня нет мобилизованных вообще. Командир батальона. Я говорю: и как себя ребята вели? [Ответ:] блестяще – никто не дрогнул, вообще никто не дрогнул. Но, правда, там был момент, когда генерал-полковник Лапин лично с табельным оружием шёл вместе с солдатами.

А.Сладков: Мы, волнуясь, наблюдали эту картину.

В.Путин: Да, да. Но ребята проявили себя самым лучшим образом.

Так что я думаю, что ответил на Ваш вопрос. Конечно, они там так же, как и на других территориях Российской Федерации, будут находиться. Непосредственно в зону боевых действий, в зону СВО, направлять их Министерство обороны не планирует, и необходимости такой нет.

Причём он [командир батальона] так уверенно, знаете, – мне было приятно с ним разговаривать, по-моему, Никитин его фамилия, – он очень хорошо и тепло о ребятах отзывался, очень хорошо. Он говорит: «Никто не дрогнул вообще. И были очень собраны, работали эффективно».

Теперь по поводу, нужна ли мобилизация дополнительная. Я особенно за этим не слежу, но некоторые наши и общественные деятели говорят о том, что нужно срочно набрать, ещё миллион набрать или даже два миллиона. Это зависит от того, чего мы хотим. Но в конце Великой Отечественной войны, сколько там...

А.Сладков: Десять.

В.Путин: Нет, может быть, в целом за всю войну десять было, а в конце войны, по-моему, у нас в Вооружённых Силах числилось пять миллионов. Могу ошибиться – не помню точно.

Некоторые вещи я помню точно, например, – извини, что отвлекаюсь, – что почти 70 процентов потерь, 69 процентов, во время Великой Отечественной войны пришлось на РСФСР – это довольно точные данные. Но это отвлечение. Не важно, сколько было, но много. Это зависит от цели.

Смотрите, наши войска были у Киева. Во-первых, мы договорились, и получился неплохой договор о том, как можно мирными средствами урегулировать сегодняшнюю ситуацию,

правда, они его выкинули, но всё-таки за это время мы вышли туда, где мы сейчас стоим. А это практически вся Новороссия и значительная часть Донецка с выходом к Азовскому морю и к Мариуполю. И практически всё, за небольшим исключением, в Луганской Народной Республике.

Нам нужно туда возвращаться или нет? Почему я такой риторический вопрос задаю? Ясно, что у вас-то ответа на это нет – я сам только могу на него ответить. Но в зависимости от того, какие цели мы перед собой ставим, мы должны решать вопросы по мобилизации, но нет такой необходимости сегодня. Это первое.

И второе. То, что я скажу в конце, отвечая на Ваш вопрос, я не знаю, было это где-то или нет. Мы, начиная с января этого года, а фактически начали работу по заключению контрактов с контрактниками, сейчас, на данный момент времени, набрали свыше 150 тысяч, а вместе с добровольцами – 156 тысяч человек. А у нас мобилизация была 300, как мы помним. А сейчас добровольно, по своей воле люди приходят. Фактически работа началась с февраля – 156 тысяч человек, и работа-то продолжается: за прошедшую неделю подписали контракты 9,5 тысячи – за неделю.

А.Сладков: Полкорпуса.

В.Путин: 9,5 тысячи человек. В этих условиях Министерство обороны докладывает, что никакой необходимости в мобилизации, конечно, нет на сегодняшний день.

Но то, что происходит, даже для меня неожиданно: всё-таки 156 тысяч человек добровольно. Знаете, у нас как говорят, русский мужик медленно запрягает, зато быстро едет. Люди

добровольно встают на защиту Отечества.

А.Сладков: Спасибо.

А.Бородкин: Владимир Владимирович, Анатолий Бородкин, телеканал «Звезда».

Вы уже сказали о том, что страны Запада накачивают киевский режим самыми современными системами вооружения.

В.Путин: Накачивают.

А.Бородкин: И в связи с этим вопрос: что мы будем делать для того, чтобы развивать наш ВПК, чтобы не допустить, во-первых, количественного отставания, и прежде всего серьёзно обогнать противника и обеспечить современными системами вооружений, достаточным их количеством наши Вооружённые Силы? Мы знаем, что создан Координационный совет, как Вы, кстати, оцениваете его работу?

Потому что пока, честно говоря, складывается впечатление, что есть у нас проблемы – провисает эта цепочка от оборонзаказа, внедрения в производство, массового промышленного производства изделий и уже поступления их на фронт. Что сделать, чтобы как можно быстрее это всё заработало?

В.Путин: Вы знаете, вопрос фундаментального характера, абсолютно фундаментального характера. Когда мы говорим, и я сказал, а Вы сейчас повторили, что Запад накачивает Украину оружием – так оно и есть, никто же этого не скрывает, наоборот, гордятся этим. Кстати говоря, здесь есть определённые проблемы, потому что в известной степени они

нарушают определённые международно-правовые акты, поставляя оружие в зону конфликта. Да, да, да, они просто предпочитают этого не замечать, но они это делают. Бог с ними, они всё равно это будут делать, и корить их бессмысленно абсолютно, потому что у них свои геополитические цели в отношении России, которых они никогда не добьются, никогда. Они должны это осознать в конце концов. Но я думаю, что постепенно осознание к ним придёт.

По поводу вооружения, развития ОПК. Вы знаете, у нас не было бы никаких возможностей, если бы мы лет восемь назад, может быть, Вы вспомните, когда это было, не объявили и не начали выполнять программу модернизации ОПК. Помните, да, здесь все присутствующие, многие наверняка обратили внимание. Это было, наверное, лет восемь назад, может быть, даже чуть побольше: мы начали программу модернизации оборонно-промышленного комплекса. Выделили на тот период времени очень большие средства и постепенно начали переоборудовать наши предприятия, строить новые, ставить новое современное оборудование и так далее. Поэтому задел был сделан очень солидный.

Конечно, в ходе специальной военной операции стало понятно, что многих вещей не хватает. Это высокоточные боеприпасы, средства связи.

А.Бородкин: БПЛА.

В.Путин: Да, и летательные аппараты, эти беспилотники и так далее. Они у нас есть – нам, к сожалению, их не хватает

количественно. И до сих пор, когда я разговариваю с ребятами, которые прямо на линии фронта находятся, им ZALA нужны, им нужны средства контрбатарейной борьбы – и побольше, и поменьше размером, поэффективнее. Хотя эти наши здоровые – достаточно эффективные, но их мало и с ними сложнее работать.

Сейчас я говорил о том, что там, где пытается украинская армия атаковать, уже несколько танков уничтожено, по-моему, в том числе и беспилотниками-камикадзе уничтожено. Их эффективно очень используют, наверное, гораздо эффективнее, чем те средства, которые есть у противника, но их не хватает. И «Орланов» не хватает, и качество этих «Орланов» нужно повышать, хотя они свою задачу выполняют. То есть есть много того, чего нужно. Средства противотанковой борьбы современные нужны, да и танки нужны современные.

T-90 «Прорыв» – лучший танк в мире – 100 процентов. Вот сейчас можно сказать, что T-90 «Прорыв» – лучший танк в мире: он как только на позицию выходит, всё – там никому нечего делать. Дальше, точнее и защищённость выше. Мне один из командиров рассказывал, к сожалению, там танкист погиб, но танк T-90 «Прорыв» попал на фугас. Видимо, подлетел, человек просто получил ранение, будучи там, – не от боевого снаряда, а просто ударился сильно, и всё. Танк в рабочем состоянии остался. То есть всего достаточно... То есть как раз недостаточно, но по всем направлениям заделы есть, вопрос в наращивании.

Я сказал о заделах, а теперь что происходит сейчас. У нас по основным видам вооружений производство за год

увеличено в 2,7 раза. А по наиболее востребованным направлениям – в десять раз. В десять раз! Некоторые предприятия промышленности работают в две смены, а многие – в три, практически и днём, и ночью, и работают очень качественно.

Я хочу, как в таких случаях говорят, пользуясь случаем, поблагодарить наших рабочих, инженеров, которые пашут днём и ночью. Многие из них выезжают прямо на линию фронта и работают над тем, чтобы доводить технику прямо в зоне боевых действий, и работают очень хорошо.

Поэтому, когда мы говорим об одной из основных задач, которая перед нами стоит, – о демилитаризации, она именно так и выполняется. Там у них всё меньше и меньше своего, почти ничего не остаётся. Есть ещё старые советские предприятия, на которых пытаются ремонтировать технику, но и их всё меньше и меньше, потому что как только мы получаем информацию, где и что происходит, мы стараемся воздействовать на эти предприятия. А у нас растёт, и качество улучшается, характеристики улучшаются – дальность, точность. Если бы не было специальной военной операции, мы бы никогда, наверное, не поняли, как нужно донастроить нашу оборонную промышленность для того, чтобы армия наша была самая лучшая в мире. Но мы это сделаем.

А.Бородкин: Спасибо.

И.Куксенкова: Добрый день, Владимир Владимирович!

Ирина Куксенкова, Первый канал.

У меня вопрос по теме, которая меня волнует, – реабилитация, поскольку я ею занимаюсь. Это не менее важно, чем боевая

работа, снабжение войск, честное слово, я знаю это точно.

Спасибо Вам большое за то, что создали фонд «Защитники Отечества». На самом деле сейчас уже не представляешь, как мы справлялись бы без него с этим ворохом вопросов. Ребята, которые отдали здоровье за интересы нашей страны, они не должны чувствовать какой-то обиды и несправедливости.

Вопрос в чём – вопрос в том, что у нас регионы даже не по финансовой составляющей разные, они разные даже по организации, а помощь им должна оказываться одинаково качественно во всех регионах. Но они у нас разные и помощь, соответственно, будет разная. Что Вы думаете по этому поводу?

В.Путин: Вы знаете, чувствительный вопрос, я понимаю.

И хорошо. Кто-то говорил, что вопросы будут разные, в том числе очень чувствительные, – Вы были правы, когда об этом сказали. Но они все важные вопросы. Он тоже очень важный, я понимаю.

Вы знаете, идея создания фонда поддержки «Защитники Отечества» возникла у меня после встречи с жёнами и матерями ребят, которые воюют и некоторые из которых, к сожалению, отдали свою жизнь за Родину. В Огарёво я с ними встречался несколько месяцев назад. И некоторые женщины, одна мама раненого солдата сказала: так, по-честному, мне тяжело, потому что ранение тяжёлое, и мне, говорит, тяжело. Они тогда сказали: нужна какая-то система государственной поддержки. И возникла эта идея – создать фонд поддержки защитников СВО. Надеюсь, что он запускается, работает всё более и более активно. И очень

хорошо, что там работают люди, так или иначе связанные со специальной военной операцией – либо родственники, либо бывшие участники, и такие тоже есть.

В этой связи что хотел бы сказать? Во-первых, гарантии со стороны государства для всех одинаковые. И уровень денежных доходов для всех одинаковый – первоначально 196 тысяч и потом всякие вещи, связанные с денежным довольствием. И социальные гарантии с различными выплатами из государственных источников одинаковые для всех.

Но Вы правы: когда речь идёт о выплатах со стороны регионов, это добровольные социальные выплаты регионов – регионы никто не заставляет это делать, они делают это дополнительно. Здесь, конечно, действует это обстоятельство, о котором Вы сказали: у разных регионов разные подходы – они стараются, кто-то выплаты дополнительные организует, кто-то семьям помогает. Например, бесплатное питание в школах для детей, приоритетное поступление в вузы, но это общероссийское правило – приоритетное поступление в вузы, в дошкольных учреждениях многое делают для семей.

Да, здесь есть такая проблема: каждый регион подходит по-своему. Здесь достаточно трудно это всё «причесать» одинаково, потому что это как бы прерогативы самого региона. Но подумать над этим нужно, я понимаю.

И.Куксенкова: Вопрос даже не в финансировании, не в богатстве, а в том, что кто-то организовано подходит к этому и с душой. Мы, например, проводим реабилитацию, приобщаем раненых ребят с ампутациями к паралимпийскому

спорту в Тульской области. Там совершенно точно знаю, что организовано, я вижу это. Мы сейчас закончили смену, буквально несколько дней назад, всё просто по полочкам. А в других регионах, например, я вижу, что есть некоторые вопросы. Как именно эту организацию построить, чтобы люди к этому относились с душой, ответственно?

В.Путин: Вы знаете, я сейчас что подумал? Я сейчас вот о чём подумал – о том, что надо брать эти наилучшие практики и рекомендовать их в других регионах. Здесь нельзя заставить, и необходимости нет. Я просто уверен, что руководители регионов, губернаторы если что-то и не делают так, как у соседей, не потому, что не хотят, а потому что просто не знают, нет такой информации. Но её нужно тиражировать.

Дайте нам, пожалуйста, – да, да, я вполне серьёзно, – и мы постараемся – не постараемся, сделаем это через Администрацию, через полпредов, мы это будем внедрять по всей стране.

И.Куксенкова: Спасибо.

В.Путин: И Вам спасибо большое. Это очень важно.

С.Пегов: Владимир Владимирович, Семён Пегов, проект WarGonzo.

Я хоть и не модератор, но рыжий и наглый, два вопроса задам.

В.Путин: Но не все рыжие – наглые. *(Смех.)*

С.Пегов: Ну, это не про меня.

Владимир Владимирович, первый вопрос. Во все времена известно, что кадры решают всё, особенно в армии, особенно

во время войны.

В.Путин: Так Сталин говорил, да?

С.Пегов: Кажется, да.

Существующая бюрократическая система, к сожалению, устроена так, что наверх сейчас пробиваются в основном те, кто хорошо служит на паркетe, умеет, что называется, вовремя подлизать начальству. Но сейчас на фронте рождаются новые Рокоссовские, новые талантливые ребята. Кстати, привет Вам большой от донбасских командиров, из «Сомали», из ОБТФ [отдельного батальонно-тактического формирования] «Каскад», из «Спарты», но речь не только о них.

Действительно, сейчас много талантов, по-хорошему дерзких, но система их как бы не пускает наверх. Как можно этот вопрос решить, чтобы у нас появились новые «изумруды» нашего военного дела, военного искусства? И они есть, поверьте.

Второй вопрос, тоже чувствительный, что касается выплат по ранениям, к сожалению, по гибели военнослужащих. Какие-то вопросы в рабочей группе Турчака в ручном режиме решаются, но есть, например, вопрос по выплатам за уничтоженную технику. Лично я никого не знаю – ребята не дадут соврать, – я не знаю ни одного бойца, который получил бы выплату за подбитый танк, за уничтоженный укрепрайон. Хотя это всё анонсировалось, все это знают и даже как-то немного смеются друг с другом: почему обещали, но ничего этого нет. И повторяю: ребята не дадут соврать – это действительно так.

Спасибо.

В.Путин: Это не просто вопрос – это призыв к действию.

Что касается кадров – первая часть «Мерлезонского балета». Это очень важный вопрос. До проведения СВО, конечно, как в любой государственной структуре, «паркетных» людей [было] очень много. Вы знаете, пока пандемия не началась, в здравоохранении была одна ситуация, а как началась пандемия – так сразу начали появляться люди, которых можно приравнять к военнослужащим, хотя они чисто гражданские. Мы сами знаем, когда люди бесстрашно шли в эти зоны опасные, не понимая даже ещё, чем это для них может закончиться. То же самое и в армейской среде: началась специальная военная операция, и очень быстро начали понимать, что «паркетные» генералы, – а таких в любой армии мира в условиях мирного времени более чем достаточно, везде, – они, мягко говоря, неэффективны.

И наоборот, – здесь Вы, Семён Владимирович, правы, – начали появляться люди, которые вроде бы сидели в тени – их не видно было, не слышно, а оказалось, что они очень эффективные и очень нужные. К огромному сожалению, такие люди первыми уходят из жизни, потому что они себя не жалеют, – вот беда в чём.

Но тем не менее мы, безусловно, должны... Надеюсь, что это всё-таки происходит и дальше будет происходить. Надо смотреть. Сейчас скажу почему – потому что мы с вами абсолютные единомышленники в этом. Я полностью разделяю такую позицию – целиком и полностью. Таких людей надо искать – искать и тащить вверх, направлять их на учёбу, повышать в звании, в должности, доверять им больше.

Самый хороший пример – это последний. Вы знаете, я вчера в госпитале был, ребятам вручал ордена, и этому командиру, который командовал, хорошо командовал на месте, в ходе боевых действий, вручал Звезду Героя. Когда я с ним ещё по телефону разговаривал, это был самый откровенный разговор, потому что парня привезли прямо с поля боя в госпиталь, ещё ничего не сделали ему – ни операцию не сделали, ничего, ноги обезболили только, потому что два ранения, а одно ранение задело берцовую кость. Говорил он со мной боевым голосом, я у него спросил, как бой шёл.

Я вчера об этом вспоминал – это, мне кажется, важно, поэтому я ещё раз скажу. Я у него спрашиваю: «Слушайте, Юрий Юрьевич, мне сказали, что Вы погибли». Он говорит: «Товарищ Верховный Главнокомандующий, я жив. Нет, не погиб, я жив». Я говорю: «Я вижу, что Вы живы, теперь. Но мне сказали, что потом Вас солдаты вынесли с поля боя». Он говорит: «Нет, я сам их выносил». Я говорю: «Как это? С ранением?» Он говорит: «Да, два ранения, оба в ногу». Вчера мне пояснил: первое – пулевое, а второе от осколка, но уже, когда они выходили совсем, получил второе ранение. Кстати, я говорю: «А Вы давно служите?» Он говорит: «Восемь лет». Я говорю: «А сколько Вам лет?» – «24». Я говорю: «Подожди, это во сколько Вы?». Он говорит: «С 18». Я говорю: «Тогда шесть». Он говорит: «Извините, волнуюсь, ошибся». (Смех.) Я говорю: «Да, понятно. Вы – младший лейтенант». Он: «Да». «Командуете ротой?» – «Да». Знаете, я вчера это вспоминал и сейчас: «Расскажите, как бой шёл?» – «Сначала артподготовка – никто не дрогнул, все остались на месте, потом танки пошли». Я говорю: «Ничего, личный

состав?» – «Все на месте, все приняли бой, за ними – бронемашины и пехота».

Понимаете, а чем это отличается от Великой Отечественной войны? Ничем, всё то же самое. Для конкретных людей, которые погибают, ранения получают, борются, воюют, – ничем не отличается.

Я его спрашиваю: «А Вы командуете ротой, младший лейтенант? Я так понимаю, что в недавнем прошлом Вы были сержантом». Он говорит: «Да». Кстати говоря, сержанты сейчас очень хорошо воюют: за этот год с небольшим подросла эта прослойка младших командиров, и хорошо воюют. Он был сержантом. Я говорю: «А Вы сейчас младший лейтенант?» – «Да». Я ему говорю: «Я Вам присваиваю звание старшего лейтенанта». Я вчера ему сказал: «Надо ехать на учёбу». И таких ребят, конечно, надо искать везде.

Умные, грамотные, взвешенные, мужественные, настроенные на служение Отечеству – реально, в самом прямом и благородном смысле этого слова. И ребята у него там такие же. И, знаете, я говорю: «Потери есть?» Он говорит: «Да, к сожалению, есть». Я говорю: «А какие?» – «Десять погибших, десять раненых». Ребята рядом с ним стояли, и вчера они тоже были рядом с ним – из его подразделения.

Конечно, надо искать таких. Их много, Вы правы абсолютно. Надо сказать, что и Министр [обороны], и начальник Генерального штаба полностью разделяют мою позицию, я много раз об этом говорил, они говорят: конечно, надо это делать. Но и Вы правы в том, что бюрократия там такая, как в любом Министерстве, многослойная, и нужно выработать,

безусловно, механизм вот этого лифта – поиска и лифта, который поднимал бы таких людей на нужный армии и стране уровень.

Я тоже сам подумаю над этим и Вам предлагаю: ничего здесь такого нет – это не какие-то специальные вещи, связанные с военной наукой, это чисто административные решения. Если здесь идеи какие-то будут – излагайте, не стесняйтесь, ладно? Это очень правильно.

По поводу выплат. Да, действительно, там, я уж точно не помню, но, по-моему, за самолёт – 300 тысяч, за танк – 100 тысяч должны выплачивать дополнительно. То, что не выплачивают, – это неожиданно для меня.

С.Пегов: К сожалению, это абсолютный факт – ребята не дадут соврать.

В.Путин: Я не оспариваю то, что Вы сказали, исхожу из того, что так и есть. Обязательно к этому вернусь прямо сегодня в разговоре с Министерством обороны – обязательно, 100 процентов.

Кстати говоря, ребята очень мужественно, эффективно работают. Я сейчас говорил, когда мы начали беседу, что атака идёт на двух направлениях. Несколько танков подбито с помощью авиации, «вертушки» очень хорошо работают. Кстати, огромное спасибо лётчикам. Герои, настоящие герои! Эффективно, по-настоящему классно воюют. И несколько бронемашин и танк подбиты были пехотой с использованием противотанковых средств, которых современных тоже не очень хватает. «Корнеты» работают идеально, но их больше нужно. Сделаем больше.

Так что я проверю обязательно.

С.Пегов: Спасибо, Владимир Владимирович.

В.Путин: Спасибо Вам, что Вы обратили на это внимание.

Пожалуйста, что-то ещё?

И.Лядвин: Владимир Владимирович, добрый день!

Илья Лядвин, НТВ.

Темы выплат контрактникам уже коснулись буквально вопрос назад. Но тем не менее хотелось бы региональный кейс чуть расширить, потому что, например, Чувашия – выплата 50 [тысяч рублей], Челябинск – 50, но там есть небольшие надбавки за детей, но Забайкалье – 150–200, Бурятия – 200. Тут такой момент: неужели у нас разрыв, так скажем, по уровню возможности регионов таков, что кто-то может выложить 200...

В.Путин: Я уже сказал, Ирина Юльевна спрашивала – я уже ответил. Что касается федеральных выплат, они одинаковые для всех – откуда бы человек ни пришёл в Вооружённые Силы.

И.Лядвин: Да, равны.

В.Путин: А что касается региональных выплат, они регионально добровольные – регион делает это дополнительно, и здесь мы не можем дать прямых указаний. Мы можем рекомендовать выбрать какую-то общую планку.

Вы абсолютно правы, конечно: человек, который воюет, рядом стоят, может быть, в окопе, прикрывают или вытаскивают с поля боя раненых, но один чуть-чуть побольше получает,

имею в виду эту дополнительную надбавку со стороны региона, другой – поменьше, конечно, это неприлично выглядит.

Повторяю ещё раз: это не касается федеральных органов – это чисто региональные выплаты, необязательные вообще. Регионы вообще могли бы ничего не платить, но они делают это добровольно. Но, конечно, здесь лучше иметь какой-то общий подход.

Я согласен, Вы правы. Поработаем с губернаторами.

И.Лядвин: Просто, возможно, какая-то общая программа, чтобы это действительно было на законодательном уровне, возможно.

В.Путин: Илья Владимирович, мы, в отличие от Украины, правовое государство. Это не шутка, это не ирония. Я о чём говорю? Есть определённые права у регионов, а есть определённые обязанности у регионов, есть определённые права у Федерации. Федерация, как бы это ни звучало парадоксально, в данном случае не может дать прямых указаний в соответствии с распределением полномочий. Но рекомендовать мы можем, и я уверен, что губернаторы отреагируют, но хотелось бы, чтобы не в сторону понижения, а в сторону увеличения. Поработаем обязательно.

Вы правы, я полностью Вас поддерживаю – полностью, поверьте мне. Я знаю эту проблему – уже много раз говорил на разных уровнях, но достаточно непросто добиться выравнивания. Постараемся это сделать.

И.Лядвин: Спасибо.

Ю.Подолька: Владимир Владимирович, Юрий Подолька, блогер.

Я хотел бы вернуться к вопросу, который уже поднимался, – о насыщении армии современными системами вооружений.

К сожалению, – так уж получилось, мы не знали перед специальной операцией, что многие спецсредства, вооружения будут нужны, – сейчас очень много этих средств делается кустарно. Я занимаюсь сборами с Народным фронтом, и мы сейчас делаем сбор на средства РЭБ [радиоэлектронной борьбы], и я Вам сразу скажу: практически, да не практически, – все средства, которые будут закуплены на эти деньги, будут сделаны, собственно, на коленке.

В чём проблема? Они показывают эффективность на фронте, солдаты говорят – да, это то, что нам нужно, но наша бюрократическая система не позволяет их быстро внедрить и использовать очень серийно. То есть те возможности, которые есть у нас, они мизерны, может, тысячи, десятки тысяч закупить, а нужны сотни тысяч, к сожалению.

Может быть, через Минпромторг, может быть, через Министерство обороны как-то для специальной военной операции упростить эти процедуры для этих средств? Это сразу резко увеличит эффективность, защищённость наших ребят. Просто для примера: индивидуальный анализатор беспилотников – он спасёт тысячи жизней наших солдат. Внедрить его несложно, он несложен, мы их будем закупать тысячами, но нужны десятки тысяч. А наше Минобороны не может это делать, потому что есть бюрократические структуры, которые нужно разгребать месяцами, а это всё –

жизни наших солдат.

Было бы здорово решить эту проблему, если можно. Спасибо.

Второе – попозже, если можно. Если можно, тогда и второй [вопрос].

В.Путин: Сейчас, секундочку. Проблема известна, но здесь Анатолий Леонидович [Бородкин], по-моему, говорил про работу военно-промышленной отрасли. Вы сейчас просто мне подсказали дополнение к ответу на вопрос Анатолия Леонидовича.

Вы знаете, кроме того, что у нас задел был сделан неплохой по модернизации ВПК, и кроме того, что сейчас достаточно быстро наращивается в том числе выпуск наиболее востребованной продукции – уже в десять раз увеличили, есть ещё одно преимущество, очень большое, откровенно говоря, даже неожиданное для меня. У нас десятки, сотни частных предприятий, которые никогда никакого отношения не имели к военно-промышленному комплексу, включились в эту работу – малых и средних предприятий. Я не буду сейчас называть, потому что боюсь, что мы привлечём к этим предприятиям ненужное внимание.

Знаете, делали, условно, там трубы – оказывается, можно кроме труб ещё что-то делать. И так в очень многих областях, то есть удивительно просто. И это говорит, в целом-то, о хорошем уровне развития реального производства в целом. Да, да, у нас микроэлектроника – много проблем, много, но тем не менее, как оказалось, очень быстро смогли подхватить и начинают развиваться.

Но всех задач тем не менее мы не решаем, и здесь Юрий

Иванович прав абсолютно. Поверьте, я сто раз уже сказал о том, о чём Вы сейчас сказали. Я ещё раз вернусь к этому, ещё раз постараюсь наладить. Понимаете, если у вас какие-то есть идеи, как обойти эти излишние бюрократические процедуры, с тем чтобы наверх всё поднять.

Но здесь же, когда я начинаю что-то подталкивать, мне ответ какой: Вы знаете, мы должны проверить, насколько это эффективно, так ли это. Ну здесь что против скажешь, понимаете?

Ю.Подолька: Солдаты на фронте говорят, это эффективно. И знаете, очень хороший аргумент, который говорят солдаты, который просто убийственный будет для таких чиновников, говорят: хорошо, если это неэффективно – дайте эффективное.

Соответственно, пока наше, например, Министерство не может дать эффективное, пусть будет это, которое они почему-то считают неэффективным. Если солдаты так считают.

В.Путин: Юрий Иванович, самое простое: дайте мне то, что Вы имеете в виду, а я постараюсь...

Ю.Подолька: Да, хорошо, спасибо. Я отдельно подам.

В.Путин: Вот это будет самое правильное.

Ю.Подолька: Отлично, я так и сделаю.

В.Путин: Тогда мы с Вами будем вырабатывать схему, как преодолеть эти бюрократические...

Ю.Подолька: Хорошо. Спасибо.

И.Ушенин: Владимир Владимирович!

Илья Ушенин, НТВ.

У меня вопрос, связанный с пресловутыми «красными линиями». Понятно, что мы в зоне СВО воюем не только с киевским режимом, но и с так называемым коллективным Западом. Страны НАТО постоянно наши «красные линии» как-то сдвигают, пересекают их. Мы выражаем какие-то озабоченности, постоянно говорим о недопустимости этих действий, но каких-то реальных ответов нет.

Мы, получается, и дальше будем сдвигать «красную линию»?

В.Путин: Послушайте, а само проведение специальной военной операции – это разве не ответ на преодоление этих «линий»? Это первое, это самое главное. Мы много раз говорили: «Не надо этого делать, не надо. Давайте будем делать так – мы готовы к переговорам». В конечном итоге они нас подвигли к тому, чтобы войну, которую они начали в 2014 году, мы попытались прекратить вооружённым способом. Они нам говорят: «Вот вы начали войну, вот Путин – агрессор». Нет, это они агрессоры, они начали эту войну, а мы пытаемся её прекратить, но вынуждены делать это с помощью Вооружённых Сил. Но разве это не ответ на преодоление каких-то «красных линий»? Это первое.

Второе. Не всё, может быть, проходит в средствах массовой информации, хотя стесняться здесь нечего. Тоже видно, когда удары по всей энергосистеме Украины. Это разве не ответ на преодоление «красных линий»? А фактическое уничтожение штаб-квартиры главного управления разведки вооружённых сил Украины под Киевом, это в Киеве

практически, разве это не ответ? Ответ.

Мы и дальше будем избирательно работать, не будем делать так, как эти придурки, – лупят по гражданским объектам, по жилым кварталам. Конечно, мы этого делать не будем. Мы избирательно будем продолжать отвечать.

С.Зенин: Владимир Владимирович, поскольку тут есть люди, которые отвечают за Вашу жизнь и здоровье, поскольку это не прямой эфир, я сначала проведу некие манипуляции, потом пару слов скажу.

В.Путин: Хорошо.

С.Зенин: У меня просто есть подарок.

В.Путин: Шаман.

С.Зенин: Чистый спирт, знаете, лучший антисептик. В гости без подарка не ходят – есть подарок. Суть вот в чём. Человек, который мне его подарил, живёт достаточно далеко от нашей границы и далеко от линии фронта благодаря нашим войскам – это так называемая, не так называемая, а на самом деле освобождённая территория, село Тимоново, недалеко от Сватово. Он в огороде находит монеты.

В.Путин: Монеты?

С.Зенин: Да, монеты, целую банку монет. Там и александровские монеты, и николаевские, и екатерининские. Эта монета была серебром, но после определённых реформ стала медной монетой – это николаевская монета. И человек, который мне её подарил, отдавая её, сказал: «Вот смотри, какая это, к чёрту, Украина?» Потому что он это нашёл в своём огороде.

Я почему это рассказываю? Там очень важный эпизод. У него есть сын Николай, который сам, по собственной инициативе, – он слышит отдалённые разрывы снарядов, – нарыл вокруг села небольших окопов, но в рост – парень сам, лопатой. Он поставил там противотанковые ежи, какие-то условные поставил пулемёты и ходит сам с самодельным автоматом, которые мы в детстве, я делал такие автоматы, из дерева сам сделал, мушка из гвоздика, и ходит, охраняет село. Парень действительно мечтает поступить в кадетское [училище] Росгвардии. Давайте ему поможем, пожалуйста.

В.Путин: Давайте.

Сколько ему лет?

С.Зенин: Он как раз в этом году может поступать уже. Ему будет 12.

В.Путин: Я с Виктором Васильевичем [Золотовым] переговорю сегодня же, обещаю Вам. Дайте его данные.

С.Зенин: Огромное спасибо. Прекрасно, это очень здорово.

В.Путин: Вам спасибо за работу по продвижению нужных Отечеству кадров. Дай бог.

С.Зенин: Я потом Вам передам.

В.Путин: Хорошо.

С.Зенин: И всё-таки, разрядив обстановку, к двум вопросам достаточно острым и достаточно важным.

В.Путин: Что касается «какая это Украина». Она, какая бы ни была, она есть – и надо относиться к этому с уважением. Но это не значит, что это повод относиться к нам без всякого

уважения. Вот о чём речь.

Если какая-то часть людей, проживающая на этих территориях, считают, что они хотят жить в отдельном, независимом государстве, надо относиться к этому с уважением. Но только почему они за наш счёт должны жить? И на наших исторических территориях? А если хотят жить на наших исторических территориях, тогда повлияйте на своё политическое руководство таким образом, чтобы выстраивались нормальные отношения с Россией, чтобы нам с этих территорий никто не угрожал. В этом же проблема, вот в этом проблема.

Сколько мы спорили с той же Белоруссией, с Лукашенко спорили по очень многим вопросам и ругались подчас. Понятно, потому что Президент страны, в данном случае Белоруссии, защищает свои интересы так, как он считает нужным, последовательно, жёстко. У нас споры были. Но разве кому-то в голову приходило начать какой-то конфликт с Белоруссией? Даже в голову бы никому не приходило начать какие-то конфликты с Украиной, если бы у нас были нормальные человеческие отношения. Даже не нужно никакого Союзного государства. Но это же то, что там сделали – эту «анти-Россию», – и не просто создали «анти-Россию», а создали как основу собственного существования, создали эту «анти-Россию» и начали её укреплять. В этом проблема.

Да ещё – в НАТО. Украина ведь, когда получила независимость, в Декларации о независимости написано, напоминаю, что Украина – нейтральное государство. И кто же в 2008 году вдруг при полном здоровье – никаких крымских

событий, ничего – вдруг заявил о том, что они в НАТО хотят, а НАТО распахнуло перед ними двери, заявив на известном саммите в Бухаресте, что для Украины двери в НАТО открыты?

С.Зенин: Ну, ещё бы нет.

В.Путин: Мало того, что обманули всех подряд в том, что НАТО не будет расширяться на восток, но наши исторические территории с населением русскоговорящим – в НАТО! Не оборзели, нет? Полностью. Знают, что создают угрозу для нас. Нет, целенаправленно действуют при всех наших попытках наладить нормальные отношения. В этом проблема.

А что касается кого-то, кто хочет на Украине чувствовать себя украинцем и жить в независимом государстве, да ради бога, делайте что хотите. Надо с уважением к этому относиться. Но тогда не создавайте угроз для нас.

И Собчак ведь правильно в своё время говорил. К нему разные люди из разных политических спектров страны относятся по-разному. Но он был умный человек, могу это со стопроцентной уверенностью сказать, я с ним долго работал. Он же правильно сказал: «Вы хотите уходить – уходите, но уходите с тем, с чем пришли». А в 1645 году или в 1654 году Украины не было вообще. Письма есть в архиве, пишут в Варшаву: «Мы, русские православные люди, требуем, чтобы соблюдались наши права». И в Москву пишут: «Мы, русские православные, просим принять в Российское царство». Понимаете?

Да, постепенно начали наращивать, территории отдавать, почему-то Владимир Ильич [Ленин] решил отдать всё

Причерноморье. С какого перепуга? Чисто исторически – русские земли. Конечно, там ничего подобного не было, связанного с Украиной, потому что не было ничего. Фактически, реально Украина возникла в 1922 году, и закрепляли в Конституции. Передали огромные российские территории туда – просто так. Причём я уже говорил как-то, я бумажки читал из архива и письма: приняли решение сначала, по-моему, на съезде или на политбюро, что, скажем, как она называлась, Криворожская, по-моему?

Реплика: Донецкая.

В.Путин: Донецкая Республика, да, что она должна быть в составе РСФСР. Потом приехали большевики с тех территорий и говорят: «Что же вы нас оставляете с одними мужиками?» То есть с крестьянами, которые считались мелкобуржуазным элементом. Опять вернулись к тому, куда передать Донбасс, Криворожскую эту республику. Приехали люди из Донбасса, говорят: «Как же так, всё уже решено, что мы в России». «Матушка Россия» – они писали. Ленин им говорит: «Надо перерешать». Единолично взяли, перерешали.

Вообще с ума сошли, что ли? Кто спросил у людей вообще? Было бы какое-то голосование, плебисцит – что это такое? Ладно, хорошо, передали туда, а потом взяли, отделили. Не знаю, по-моему, в истории такого не бывало никогда. Ладно, мы готовы жить в такой парадигме. Но ещё начали «анти-Россию» там создавать, угрозы начали создавать. И люди не хотят там жить, к нам тянутся. Что нам, бросить, что ли, людей? Вот результат.

А Украина, конечно, какая там Украина – там и не было ничего,

и Украины не было. Украина возникла в 1922 году, как я сказал. Теперь благодарные потомки сносят памятник Ленину – основателю Украины.

С.Зенин: Вот эти люди нас ждали и считают это Россией.

В.Путин: Да, конечно.

С.Зенин: Владимир Владимирович, позвольте всё-таки два вопроса – достаточно острых, потому что большое количество людей на фронте ждут ответа на эти вопросы? Оба они касаются так называемых частных военных компаний, которые вроде де-юре у нас даже запрещены, их вроде как и нет, но при этом де-факто на фронте они присутствуют. Ребята воюют с разным успехом, иногда с очень хорошими результатами.

Как избавиться от этого юридического или правового вакуума для того, чтобы вернуть их в правовое поле? Вы знаете, мы общаемся не только с командирами, мы же общаемся и с солдатами, с бойцами – и какая-то есть обида.

В.Путин: Понимаю, да. Здесь Вы правы абсолютно. Я попросил и депутатов Государственной Думы, и Министерство обороны всё привести в соответствие со здравым смыслом, со сложившейся практикой и законом.

Мы, безусловно, не должны ставить людей в какое-то ложное положение. Во-первых, все, кто бы ни был и в каком бы качестве ни оказался на переднем крае, они все – защитники Отечества, и Родина должна им полноценно ответить на их готовность рисковать своей жизнью или отдавать свою жизнь за Родину. Все должны быть в равном положении. Но для этого, конечно, нужно внести соответствующие изменения

в закон. Сейчас над этим работают.

Насколько я знаю, Министерство обороны сейчас заключает контракты со всеми желающими продолжить службу в зоне специальной военной операции. Только таким образом можно обеспечить социальные гарантии, потому что, если нет контракта с государством, если нет контракта с Министерством обороны, не возникает и правовых оснований для социальных гарантий со стороны государства. Нужно это сделать, и сделать как можно быстрее.

Там есть некоторые нюансы, я сейчас не буду вдаваться в детали, можно кое-что поправить и в законе. Потому что сегодня по большому счёту в правовом смысле к этим добровольческим формированиям приближаются только частные охранные структуры. Но и то там много вещей, которые нужно дополнительно отрегулировать.

Итак, первое, что нужно сделать: заключить контракты со всеми добровольными объединениями, иначе социальных гарантий со стороны государства не возникает. И второе: нужно внести некоторые изменения в закон. И то, и другое будет сделано.

С.Зенин: Ещё один вопрос по ЧВК. Очень странная история. С одной стороны, это действительно героические личности часто. С другой стороны, вернувшись на гражданку, все ведут себя по-разному. И бывают ситуации, когда люди, – не секрет, что там есть же люди, которые попали туда из заключения, – возвращаются на ту же дорожку, ведут себя так же, совершают правонарушения, причём самые разные, и очень серьёзные бывают правонарушения. И получается так, что эти люди

бросают тень на всех остальных, кто там по-прежнему воюет, кто проливает кровь, притом что они сами тоже проливали, но вернулись к старому.

Как отделить хорошее от плохого в данной конкретной ситуации? Хотя это вроде одни и те же бойцы ЧВК.

В.Путин: Вы знаете, помните, у Шолохова Макар Нагульнов там [в романе «Поднятая целина»], что ли, говорил: был хороший коммунист – вот и всё хорошо, а там он, извините за моветон, скурвился – значит, враг революции. Здесь, к сожалению, то же самое.

Человек воюет – честь ему и хвала, государство должно всё сделать для того, чтобы выполнить свои обязательства перед этими людьми, и мы делаем это. Но надо, действительно, по социальным гарантиям – контракты надо подписывать с государством, это очевидная вещь, иначе не возникает обязательств со стороны государства, и тогда [возникает] несправедливость в отношении людей, которые воюют. И они же получают сразу – я же подписываю указы о помиловании.

Но, действительно, есть рецидивы. Но тогда человек должен отвечать по всей строгости закона, чего бы там ни происходило. А так было и в Великую Отечественную войну: если человек воевал, воевал – честь и хвала, но, если он совершал правонарушение, он отвечал так же, как и все остальные граждане.

Но на что хотел бы обратить внимание. Смотрите, у нас в целом рецидив, – если не брать специальную военную операцию, ничего, – просто рецидив среди людей, которые

отбыли срок наказания, вернулись в нормальную жизнь, в некоторых случаях доходит до 40 процентов.

А из участников СВО – есть рецидивы из освободившихся – 0,4 процента.

С.Зенин: Процент очень небольшой.

В.Путин: Да.

С.Зенин: Но это всё равно ложка дёгтя.

В.Путин: Ну что, это жизнь, она сложна и многообразна.

И ничего здесь не поделаешь, она диктует нам свои суровые законы.

Я повторяю: рецидив в десять раз ниже, чем рецидив в целом по этой тематике. Это неизбежно, но негативные последствия минимальны.

Д.Кулько: Владимир Владимирович, ещё про контрнаступление.

В.Путин: Да.

Д.Кулько: Рано или поздно контрнаступление Украины захлебнётся, вернее, наши ребята героическими усилиями заставят его захлебнуться. Но очевидно, что, какие бы потери ни понесла Украина, западные страны продолжают поставлять вооружения.

В.Путин: Ну, здесь вопрос.

Д.Кулько: В любом случае вопрос – что дальше? Мы будем готовиться отражать новое наступление или сами пойдём вперёд? А в таком случае – насколько далеко мы готовы пойти в этот раз, до наших новых границ России или так далеко, как

получится?

В.Путин: Дмитрий Александрович, я это могу сказать только с глаза на глаз. (Смех.) Ну а вообще, всё будет зависеть от потенциалов, которые сложатся на момент окончания этого так называемого контрнаступления. Это ключевой вопрос.

Думаю, что, понимая, – я с полным основанием об этом говорю, – понимая катастрофические, именно катастрофические потери, руководство, какое бы оно ни было, голова-то на плечах есть, должно задуматься, что делать дальше. А мы будем смотреть, какова будет ситуация, и исходя из этого предпринимать дальнейшие шаги. У нас есть планы разного характера в зависимости от той ситуации, которая сложится тогда, когда мы посчитаем нужным что-то делать.

Д.Кулько: Владимир Владимирович, сейчас сжигают наши ребята натовскую технику – тем не менее по поводу поставок вооружения дальнейших...

В.Путин: В том числе и натовскую. Вот я сказал: свыше 160 танков, 360 БМП [потери]. Это же не вся натовская – там и ещё советского производства бронетехника уничтожается. Прекрасно горят, как мы и предполагали, и Bradley, и Leopard. Причём, наверное, видели – там боекомплекты внутри танков срабатывают, всё разлетается в разные стороны. Я сказал: 25–30 процентов от поставленной техники уничтожено.

Д.Кулько: Владимир Владимирович, сейчас уже две страны собираются поставлять в том числе и снаряды с обеднённым ураном. Сегодня появилась информация в американской прессе, что вслед за Великобританией США также будут

совершать такие поставки. Мы на примере Сербии видели, как они заражают землю, как калечат людей. Получается, Украина этими боеприпасами будет также загрязнять территорию Российской Федерации.

Не вынуждают ли нас в таком случае действовать быстрее на упреждение? Мы как-то будем отвечать на эти вызовы?

В.Путин: На упреждение нет необходимости. Таких боевых припасов у нас много, с обеднённым ураном. И, если они будут применять, мы тоже оставляем за собой право применять такие же боеприпасы. Они у нас есть в наличии – мы их не применяем просто.

А.Сладков: Это интересно.

В.Путин: Нет, ничего, честно говоря, интересного здесь нет, ничего хорошего здесь нет. Но если потребуется, мы в состоянии это сделать – я так скажу, мы в состоянии это сделать. У нас нет необходимости это делать сегодня.

Вы знаете, там ещё что происходит? Я уже говорил об этом – это уже не секрет. Украинская армия, сейчас больше, наверное, пять-шесть тысяч крупнокалиберных снарядов тратит, 155 миллиметров. А в Соединённых Штатах производят в месяц 15 тысяч. 15 тысяч в месяц всего производят в США, а армия Украины пять-шесть тысяч в сутки тратит.

В США предполагают увеличить. Это всё в открытых источниках, здесь секрета нет никакого. Сначала говорили – до 75 тысяч, сейчас вроде чуть побольше, не знаю, где-то 75 тысяч в следующем году, в конце следующего года. Но если будут тратить по пять-шесть тысяч... Сейчас, думаю, больше,

потому что при наступательных операциях расход больше.

У них просто нет [снарядов], а с обеднённым ураном есть, и на складах есть. Видимо, решили подать вот это – то, что есть пока. Потому что со складов-то всё выгребли, осталось только в Южной Корее и в Израиле, но не израильское и не южнокорейское, а именно как американская собственность. Они могут забрать оттуда и подать сюда. Но и это скоро закончится. А с обеднённым ураном, видимо, на складах есть. Самое простое. Потому что расширить производство – это себе дороже.

Они заставляют европейцев расширить производство в Чехии, ещё где-то. Но всё-таки, как бы там ни было, там же парламенты есть. Ну, построили новый завод, а дальше что? Куда его девать-то? А там тоже проблемы и в здравоохранении, и транспорте, и образовании – там много проблем, а их заставляют завод построить по боеприпасам. А дальше что с этим делать?

Поэтому всё не так просто – с учётом того, что ещё экономические проблемы нарастают. По данным МВФ, локомотив европейской экономики – ФРГ, там намечается рецессия, на текущий год ВВП – минус 0,7 процента. У нас, кстати говоря, – плюс, минимум – полтора, а то и под два, а у локомотива европейской экономики – минус 0,7 и рецессия. Инфляция растёт. У нас она сколько? 2,3 процента, но, думаю, по году она выйдет на пятёрочку – так, как прогнозирует Центральный банк, наверное. Но это хорошо, для нас слишком низкая инфляция – не очень большой подарок, а вот это будет нормально. Но у них-то там – семь с лишним, семь с половиной. В еврозоне в целом – где-

то пять, не помню сейчас, но в Федеративной Республике [Германия] – 7,4 процента, по-моему. Безработица растёт, а в Южной Европе она вообще запредельная. А у нас – минимальная, исторический минимум.

Так что не так всё просто там это всё произвести и тем более расширить производство, построить новые предприятия. Нам пригодится, у России – особая ситуация. Мы должны наращивать вооружение, надо будет, и на складах будем скапливать стратегический запас. А они куда денут? На фига этой Чехии какой-то стратегический запас? Чего они будут с этим делать? В какие места они будут их откладывать? Это всё не так просто. Ну, хотят – пожалуйста.

Но потом американцы же ведут себя очень прагматично, и всё только в своих интересах – плевать они хотели на интересы своих союзников. У них союзников-то нет, у них есть только вассалы. И вассалы начали понимать, какая роль им уготовлена. Им на самом деле на уровне общественного сознания всё это не очень нравится. Мне некоторые мои друзья говорят: сложилась ситуация, как в Советском Союзе. Я говорю: «Как это?» Когда дома, на предприятии, в офисе все сидят и обсуждают Россию, домой приходят на кухню – всё по-другому. Наверное, это люди, которые нам симпатизируют, наверное, они тоже что-то преувеличивают. Но тенденции такие.

Поэтому с обеднённым ураном, я думаю, этим и объясняется: нету просто. А то, что они говорят о том, что мы сейчас произведём то, произведём это, – ну давайте, производите. В условиях рецессии всё не так просто. А потом существуют же ещё оппозиционные партии, которые

используют ситуацию – зажигают только так, анализируют реально ситуацию в экономике. Запас прочности у европейской, у американской экономики очень большой. Это очевидно, это понятно. Они высокотехнологичные, структура экономики очень развита, она мощная, но проблем много.

Поэтому думаю, что именно этим продиктовано и желание поставлять снаряды с обеднённым ураном. Самый дешёвый способ – ничего не надо делать. На складах есть, сбросили им туда, и всё. А что здесь будет происходить – они плевать на это хотели. Они везде себя так ведут. А что они делали в Югославии? А что они делали в той же Сирии или в Ираке? То же самое всё делали – плевать хотели они на всё. У них ничего нет, кроме своих собственных интересов, и интересы союзников их не интересуют совершенно.

А в области экономики они принимали решений, переманивают предприятия на территорию Соединённых Штатов из Европы. Все это понимают, все видят – сделать только ничего не могут. Забрали заказ на атомные подводные лодки у французов. И что они сделали? Ничего. Более того, мы знаем, ещё шепчут американцам на ухо: мы должны публично заявить, публично с вами поругаться – мы потом тихонько, низенько отползём, не сердитесь на нас, пожалуйста. Вот и всё. И труба пониже, и дым пожиже у них, чем в России. Нет пассионарности, это затухающие нации – вот в чём вся проблема. А у нас есть. Мы будем бороться за свои интересы и будем добиваться своих целей.

Д.Кулько: Спасибо.

Д.Стешин: Дмитрий Стешин, «Комсомольская правда».

Владимир Владимирович, журналист на передовой не всегда задаёт вопросы – часто ему задают вопросы, потому что он как бы выходец из большого мира.

С октября меня начали спрашивать бойцы о так называемой зерновой сделке. Я немного, что им мог объяснить, я просто понимал, что для них это какой-то большой раздражитель и «белое пятно». Я им объяснял, что в основе этой сделки лежат и наши интересы – вывоз продукции на Запад, интересы бедных стран, которые должны получить зерно. Но я понимаю, что наши интересы в этой сделке не соблюдаются, плюс есть опасения, что через коридоры безопасности будут завозить оружие, используют их для атак на Черноморский флот и так далее.

Я, по сути, переадресовываю вопрос с передовой Вам: нужна ли нам эта сделка? И если наши интересы в ней не учитываются, может быть, стоит её расторгнуть?

В.Путин: Честно говоря, для меня неожиданный вопрос, не ожидал такого вопроса услышать. Но, наверное, для ребят, которые воюют, непонятно, зачем мы выпускаем это зерно. Я понимаю, согласен.

Понимаете, ведь мы это делаем не для Украины – мы это делаем для дружественных нам стран в Африке и Латинской Америке, потому что зерно должно идти прежде всего в беднейшие страны мира. При этом нам было обещано, что и наше зерно не будет подвергаться репрессиям, если можно так выразиться, не будут чиниться препятствия для его экспорта. К сожалению, нас в очередной раз обманули.

Ничего не сделано с точки зрения либерализации поставок

нашего зерна на внешние рынки. Имеется в виду фрахт, имеется в виду страхование, имеются в виду платежи, имеется в виду подключение нашего Россельхозбанка к системе SWIFT. Много было всяких условий, которые должны были западники исполнить под руководством Организации Объединённых Наций. Не сделано ничего.

Но тем не менее мы несколько раз эти договорённости продлевали, ещё раз я хочу сказать, в интересах дружественных стран. Всем понятно, что это соответствует нашим тоже интересам – сохранять добрые, хорошие, доверительные, устойчивые отношения с той частью мира, которая не поддерживает агрессивные действия Запада и их сателлитов на Украине в отношении России. В этом наш интерес – хорошие отношения поддерживать.

Кстати говоря, не знаю, анонсировалось или нет, сейчас – в ближайшее время – ожидается приезд в Россию лидеров нескольких африканских государств. Мы договорились пообсуждать текущие вопросы, наверняка речь пойдёт и об этой зерновой сделке. Прежде всего исходим из этих соображений.

Но выясняется, что, – я уже много раз говорил об этом, – из всего объёма поставленного зерна украинского только три с небольшим процента пошло в беднейшие страны мира. Там немножко колеблется – это 3,2–3,4, потому что в зависимости от того, куда очередной сухогруз уходит, корабль с зерном, это чуть-чуть меняется, но в целом где-то три с небольшим процента. 40 с лишним процентов идёт во вполне благополучные страны Евросоюза. Они – главные получатели украинского зерна: оно подешевле, они это получают, и им

хорошо, и Украине деньги за это платят. На сегодняшний день, я могу ошибиться, но мне кажется, что это основной источник валютных поступлений для Украины.

У них всё остальное практически развалилось, о промышленности я не говорю, всё останавливается там. Я не знаю, что они производят ещё. Была сельхозпродукция и металлургическая промышленность, трубная часть. Металлургическая, поскольку там электроэнергии нет, она фактически останавливается. Машиностроение останавливается. Судостроение давно развалилось – ещё до СВО. Авиапромышленность развалилась – до СВО. Производство двигателей развалилось.

Основные источники доходов были металлургическая промышленность, которая прекращает существование, и сельхозпродукция, которую они экспортируют, в частности зерно. Мы это понимаем, но мы сознательно пошли на это, повторяю ещё раз, для того чтобы поддержать развивающиеся страны, наших друзей, и для того, чтобы добиться снятия санкций с нашего сельхозсектора. Нас обманули в очередной раз, как я уже сказал. Это первое.

Второе, что касается стран Африки, то к ним тоже почти ничего не приходит. Поэтому мы сейчас думаем на тему того, чтобы нам выйти из этой так называемой зерновой сделки. Тем более что эти коридоры, по которым идут корабли, они постоянно используются противником для запуска беспилотников, морских беспилотников.

Я не знаю, Минобороны давало это или нет: буквально вчера или позавчера наш корабль, который охранял «Турецкий

поток» – трубу газовую, которая идёт в Турцию, – на него была совершена атака. Четыре беспилотника полупогружённых. Три уничтожили, четвёртый ход потерял, его потом добились. Сразу после этого – ещё четыре беспилотника. В это же время мы видели, в нейтральной зоне, правда, висел беспилотный стратегический аппарат стратегической разведки США. Судя по всему, он корректировал действия этих беспилотников.

Соединённые Штаты всё больше и больше, практически напрямую погружаются в этот конфликт и провоцируют серьёзные международные кризисы в сфере безопасности, потому что корректировка действий беспилотников, которые нападают на наш военный корабль, – всё-таки это серьёзная вещь. И они должны знать, что мы об этом знаем. Мы ещё подумаем, что с этим делать на будущее, но в целом вот такая штукавина.

Так вот, что касается зерновой сделки, то мы думаем о том, чтобы прекратить там наше участие. Это первое.

А второе – тот объём зерна, который получали беднейшие страны, – а это, повторяю, три с небольшим процента, – мы готовы будем поставить в беднейшие страны для них бесплатно. Но это надо всё пообсуждать, в том числе когда наши друзья приедут из африканских государств – скоро, совсем скоро. Я с ними тоже посоветуюсь, как поступить.

Д.Стешин: Спасибо большое.

М.Газдиев: Владимир Владимирович!

Мурад Газдиев, телеканал RT.

Во-первых, наш главный редактор Маргарита Симоньян

попросила Вам передать письмо. Она очень много сделала, чтобы мы вот так могли с Вами собираться – и официально, и неофициально.

Владимир Владимирович, у меня несколько вопросов.

С учётом того, что, как Вы сказали, Вы нам не собираетесь раскрывать все свои планы, тем не менее по мирному урегулированию. У всех – кроме России и Украины – своё видение того, как урегулировать этот конфликт.

В.Путин: Почему? Вы ошибаетесь. Почему Вы сказали «кроме России и Украины»? У нас тоже есть. Больше того, мы же в Стамбуле договорились, и, не помню, как его фамилия, могу ошибиться, поэтому прошу прощения, по-моему, господин Арахамия возглавлял переговорную группу со стороны Украины в Стамбуле. Он даже парафировал этот документ.

М.Газдиев: Но я говорю – кроме России и Украины ещё и у других стран своё видение о том, как урегулировать этот конфликт.

В.Путин: А, прошу прощения, извините. Да.

М.Газдиев: У США, у европейцев, но это как бы США, у Саудовской Аравии, даже страны Африки сейчас вышли и сказали, что готовы стать медиатором для того, чтобы помочь решить этот конфликт. Ясно, что все они помимо мира преследуют также какие-то свои интересы.

Вопрос такой, Владимир Владимирович: к какому из этих вариантов склоняетесь Вы? Склоняетесь ли Вы вообще к какому-то? И есть ли с кем договариваться и нужно ли?

В.Путин: Во-первых, мы никогда не отказывались, – я уже

тысячу раз об этом сказал, – не отказывались от ведения каких-то переговоров, которые могут привести к мирному урегулированию. Мы же всегда об этом говорили. И более того, в ходе переговоров в Стамбуле мы же парафировали этот документ, долго, долго спорили, бодались там и так далее, но документ-то такой толстый, и он парафирован: с нашей стороны Мединским, с их стороны – их руководителем переговорной группы, по-моему, это господин Арахамия, я точно не помню, если я не ошибаюсь, его фамилия. Сделали же это. Они просто выбросили его потом, и всё. Это первое.

Второе. Вы сказали, у европейцев свой подход, у американцев – свой подход. Там у них, знаете, как в анекдоте всё – между европейцами и американцами. Пункт первый: американцы всегда правы. Пункт второй: если американцы не правы, смотри пункт первый. Поэтому там особенно разговаривать-то не с кем.

Но в целом западный подход такой, что нужно придерживаться интересов Украины, мы знаем. Но интересы Украины – там пункт третий: если интересы Украины расходятся с пунктом вторым, смотри пункт первый, потому что в конечном итоге это интересы США. И понимаем, что ключ к решению проблем – на их стороне. Если они действительно хотят, чтобы сегодняшний конфликт завершился с помощью переговоров, им достаточно принять только одно решение: прекратить поставки вооружений и техники – всё. Украина сама-то ничего не производит. На завтра они захотят вести переговоры уже не формально, а по существу, и не ставить нам ультиматумы, а вернуться

к тому, о чём договаривались, скажем, в том же Стамбуле.

Там, кстати говоря, вопросы безопасности Украины очень детально прописаны. И на самом деле там такие многие вещи – нам надо было подумать ещё: соглашаться с чем-то, не соглашаться. Но в целом, повторяю, мы же парафировали с двух сторон.

Поэтому если захотят вернуться, пожалуйста, мы готовы с ними разговаривать. Но пока они хотят добиваться поражения России и успехов в ходе контрнаступательной операции. Как она проходит, эта контрнаступательная операция, я вам доложил.

М.Газдиев: Владимир Владимирович, Вы говорите, что им нужно просто остановить этот поток оружия, который идёт на Украину, но они этого не делают. Они делают наоборот: сначала были танки, потом обеднённый уран.

В.Путин: Обеднённого урана пока нет.

М.Газдиев: От Великобритании есть. Тем не менее мы уже видим статьи в различных неоконсервативных организациях, – была такая сейчас, нашумевшая, – тактическое ядерное оружие передать Украине. Вопрос такой: не боятся ли США с этой постоянной эскалацией и повышением ставок?

В.Путин: Делают вид, что не боятся. На самом деле там очень много людей со здоровой головой, и они явно не хотят вести дело к третьей мировой войне, в которой не будет победителей, в том числе не будет и победителей в виде Соединённых Штатов.

И.Куксенкова: Если позволите, у меня ещё один вопрос про

космос, вернее, про космическую разведку.

В.Путин: Заканчивать надо.

И.Куксенкова: Да, конечно. В интересах противника работает, по открытым данным, до 100 спутников – именно военных спутников, которые видят наши войска, перемещения. Наша группировка космическая уступает.

В.Путин: Да.

И.Куксенкова: Что с этим делать и как с этим бороться, потому что это же системно, правильно, это годы нужны?

В.Путин: Конечно, здесь секрета нет. В предыдущие годы мы должны были бы по-другому выстраивать и нашу космическую деятельность – конечно. Но ведь мы не планировали, – Вы знаете, но я думаю, что это будет понятно, – мы не планировали ни крымских событий, мы не планировали событий, которые сейчас происходят.

Я же сказал много раз – и в ходе нашей сегодняшней встречи, – мы пытаемся прекратить этот вооружённый конфликт. К сожалению, нас вынудили делать это вооружённым способом, но не мы это начали. А это же всё проекты длительного цикла: они на годы вперёд планируются, а потом реализуются, и реализуются так, как мы планировали лет пять-семь назад. Но сейчас коррективы вносим. Совсем недавно, Вы знаете, уже один космический аппарат запустили. Мы будем наращивать нашу группировку.

Кстати говоря, по космической группировке Россия занимает пятое место в мире. Так что в целом у нас группировка хорошая.

И.Куксенкова: Воюем с первой.

В.Путин: Да, конечно. Нужно соответствующим образом настраивать эту работу. Мы, конечно, будем это делать. Но пока нам нужно чем-то замещать. Чем? Разного назначения беспилотными летательными аппаратами. Здесь коллега прав: нам нужно и беспилотники наращивать самые разные – и ударные, и разведывательные, но это требует времени.

Я согласен, Вы правы, надо делать это.

Д.Зименкин: Дмитрий Зименкин, «Известия», РЕН ТВ.

Александр Валерьевич [Сладков], спасибо за шанс, а Вам – что выслушаете. Потому что проблема, которая звучит в окопах, в том числе и от жён бойцов, я считаю, важна: отсутствие статуса участника боевых действий.

Буквально три примера. Белгородчина, пограницы, отдел мобильных действий, которые этот натиск, пусть отвлекающий, но встречают врага со срочниками – ещё до прихода Минобороны.

В.Путин: Да, конечно.

Д.Зименкин: Его [статуса участника боевых действий] не имеют луганские полицейские, которые воевали в Харьковской области в том году, или сейчас их коллеги из ОБТФ «Каскад» в ДНР – то же самое.

А сегодня мне звонил полевой медик. Он четыре месяца уже там, за лентой...

В.Путин: За лентой?

Д.Зименкин: За ленточкой, то есть он воюет. 70 человек уже вытащил с поля боя, четыре контузии, после четвёртой уже заикается – я слышу. Он приписан к воинской части № 31135, и вроде как он не воюет. Он даже ордена не может получить в том числе и поэтому.

В.Путин: Я не понимаю – почему?

Д.Зименкин: Он говорит – как будто мы не воюем. Я не знаю, в чём там проблема. Это лично он мне доложил.

Реплика: Они не участники.

Д.Зименкин: Да, они не участники.

А.Коц: Он не значит, что он в зоне СВО. Он значит, как будто он в пункте постоянной дислокации.

Реплика: С пограничниками такой же вопрос.

Д.Зименкин: Эти нюансы уточнить можно. Несправедливо, считаю. И дело-то не в надбавках – они не велики, а в другом.

В.Путин: Хорошо. Дмитрий Сергеевич, я уже услышал, здесь были вопросы подобного рода. Я для себя пометил, запомнил.

Я знаю, мне и Бортников эти вопросы задаёт, и Колокольцев эти вопросы задаёт. Что с военными медиками что-то подобное происходит – я первый раз слышу, но обязательно посмотрю. Просто это техническая проблема, значит, у вас на месте. Если военный медик, он за ленточкой воюет фактически, я не очень понимаю, что там происходит. Я выясню. А где это конкретно?

Д.Зименкин: В Белгородчине он числится, а воевал он под Сватово. Мы лично снимали.

В.Путин: Вы напишите мне.

Д.Зименкин: Да, напишем сейчас.

В.Путин: Чтобы конкретный пример.

А все остальные категории военнослужащих, особенно это касается действительно пограничников, да отчасти полицейских тоже. Конечно, это требует рассмотрения.

Я понимаю, Вы правы, и руководители этих ведомств эти вопросы поставили. Я поручил Совету Безопасности, они сейчас готовят предложения.

М.Газдиев: По тому, что происходит именно не на освобождённых территориях, не новых территориях, а в России.

Наши бойцы очень часто даже на передовой умудряются читать новости, и они, мягко сказать, негодуют, когда видят очередной скандал о том, как госслужащий или преподаватель в университете склоняет практически открыто молодёжь к проукраинской позиции. То есть все эти люди по большому счёту не боятся, штрафы их не пугают.

Ясно, Вы это уже довели, что мы не будем действовать, как украинский режим: мешок на голову, и человек исчезает навсегда. Но с учётом того, что мы не такие, как они, мы воюем против этого, не предательство ли это наших ценностей, то, что мы оставляем вот так ситуацию на самотёк?

В.Путин: Если мы оставляем на самотёк, то это на грани предательства. Это первое.

Второе. По-моему, здесь Семён [Пегов] говорил по поводу того, что нужно двигать ребят, особенно тех, которые себя

хорошо зарекомендовали в ходе боевых действий, их нужно двигать по иерархической лестнице наверх в рамках Вооружённых Сил. Но не только: их можно двигать и в правоохранительные органы, специальные службы. Надо искать таких людей – с их сознанием и с их пониманием справедливости – и им поручать расследования в отношении тех негодяев, о которых Вы сказали.

Так же, как мы поручили расследовать преступление, связанное с публичным уничтожением Корана, следственному комитету Чечни. И отбывать наказание [Н.Журавель] будет, как было заявлено Министром юстиции, в местах лишения свободы, расположенных в одном из регионов Российской Федерации с преимущественным мусульманским населением.

Вот и в отношении этих негодяев, о которых Вы сказали, тоже что-нибудь примерное надо изобрести. Вы абсолютно правильно поставили вопрос. Я подумаю над этим.

М.Газдиев: Спасибо большое.

В.Путин: Вам спасибо большое за вопрос.

М.Газдиев: Если можно, письмо я передам ребятам – товарищам из ФСО.

В.Путин: Да, конечно.

Вам спасибо большое.